

В ПЕРЕВОДЕ С ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО

Marek Arnaud. The Weak Send Rocks, the Strong Send Rockets. A Thousand Diplomatic and Un-diplomatic Jokes. Illustrated by Lionel Portier. Foreword by Hon. Gough Whitlam. — Eloquent Books. N.Y., 2009. — 340 p.

Рецензия — Владимир Орлов

Мы познакомились с Марек — о'кей, пусть для целей этой рецензии он останется Марек Арно, хотя, конечно, никакой он не Марек, а вполне французский дипломат, который работал в Сиднее, Нью-Йорке, Тель-Авиве, именно в силу недипломатичности своей книги решивший укрыться за почти прозрачным псевдонимом, — так вот, мы познакомились с Марек лет шесть тому назад, на горной тропинке в осеннем лесу Верхней Савойи, там, где она незаметно скатывается к предместьям Женевы.

Марек был грамотно экипирован прогулочными палками и, стоило ему завидеть гриб, или ягоду, или бабочку, он непременно вскидывал правую палку, указывая на находку и называя ее точное имя на своем превосходном английском. Марек по-набоковски не терпел неумения называть природу ее именами, был глазаст и, обнаруживая ржавый подосиновик на фоне ржавой листвы, демонстрировал впечатляющую дотошность, перемежавшуюся колкими шутками по поводу коллег с Кэ д'Орсе. Не будучи выпускником Школы государственного управления — кузницы кадров французского МИДа, этакой крепости из слоновой кости — Марек был на Кэ д'Орсе чужаком и с наслаждением, которое иные могли бы принять за зависть, и с доброй дозой цинизма подтрунивал над *их нравами*, особенно тех, кто в верхнем эшелоне.

Марек любил слова французского комика Колюша «Иерархия, словно книжная полка: чем выше, тем бесполезней». Или Черчилля «У него были все достоинства, которые мне несимпатичны, и ни одного из грехов, которыми я восхищаюсь».

Тогда я еще не знал, что дотошность, изрядно подперченная цинизмом, отличала Марека все долгие годы его службы на дипломатическом поприще. Узнал только, когда случайно открыл изданную в Нью-Йорке книжку под названием «Слабаки швыряются камнями, сильные швыряются ракетами: тысяча дипломатических и недипломатических анекдотов», где сразу угадывался почерк моего осеннего попутчика.

Не то чтобы мне эта книжка целиком так уж понравилась. Для этого она слишком эклектична, да и рассчитывать, что по каждой из тыщи единиц анекдотов, шуточных афоризмов, наблюдений из жизни и чужих цитат, наполнивших книгу, наше мнение с Марек относительно того, что смешно, а что банально и плоско, совпадет, было бы странно.

А
К
Е
Т
О
И
П
Б
И

Вообще, тыща анекдотов *в одном флаконе* — это серьезное испытание даже для самых неприязнительных любителей юмора, а тыща анекдотов, претендующих на интеллектуальность, — это просто вызов.

Но там есть ужасно смешные страницы. И когда я их читал меня не покидал образ затаятого в костюм дипломата, дремлющего где-нибудь на Женевской Конференции по разоружению, который, притворяясь, что со вниманием слушает очередного нудного докладчика, на самом деле держит перед глазами эту книжку, и вдруг посередине этого нудного выступления не выдержит да как разразится хохотом на весь этот каменный мешок, а на вопросительно-порицающий взгляд из соседней делегации протянет коллекцию Марека Арно: *Смотрите, да это же про нас!*

СOLIDное предисловие бывшего премьер-министра Австралии не заставило Марека *причесать* свое творение. Оно у него сродни крошки: что собрал в хозяйстве, то и кидаю в кастрюлю, даже и разогревать не надо. И не всегда у него получается, чтобы суп — отдельно, а мухи — отдельно. Каким-то не вполне понятным, партизанским образом сюда прокралась последняя, шестая глава, она же *приложения*, занимающая, если разобраться, две трети этой книги, где собраны не Мареком придуманные, но Мареком дотошно рассортированные анекдоты (в русском смысле этого слова) про юристов, про французов, про блондинок и про то, как должны звучать ваши записи на автоответчике, — и хотя среди них тоже попадаются ужасно смешные, особенно про блондинок и автоответчики, и есть предостаточно просто смешных (хотя иногда бородатых), эти приложения все-таки выходят за сферу интересов редакции журнала *Индекс Безопасности*.

Исходя из этого я ограничусь пролистыванием, вместе с нашими читателями, того, что к *Индексу Безопасности* отношение имеет, а именно: наблюдений, принадлежащих самому автору, или же перлов, подслушанных автором во время его длительных дипломатических загранкомандировок и помещенных в разделы «Перевернутые афоризмы, Сидней, 2001–2004», «Ближневосточный процесс на куски, Тель-Авив, 1996–2000», «Дивный новый мир, порядок, Женева — Нью-Йорк 1992–1993», а также «Разоруженческие и прочие афоризмы как руководство к действию на переговорах по контролю над вооружениями, Женева — Нью-Йорк, 1989–1991». Я долго думал, почему пребывание в СССР (а Марек когда-то служил в консульстве на советской земле) не подвигло французского дипломата на соответствующие анекдоты, но не нашел ответа: может быть, с тех пор все так изменилось, что сегодня уже совсем не смешно будет? Я также долго думал, почему пребывание в Женеве и Нью-Йорке, напротив, заставило Марека особенно фонтанировать, но здесь я догадываюсь: ООН и окрестности дают диспропорционально большое количество свободного времени для свободных размышлений и интеллектуальных развлечений.

Весомая часть этих *заметок на манжетах* Марека — я так и вижу его, втихую делающего недипломатичные наброски во время переговоров и конференций, когда другие чертят геометрические узоры или же просто погружаются в дрему — связана с вопросами разоружения и нераспространения. Они как раз совсем не смешны. Но на них-то и стоит остановиться. Вот некоторые:

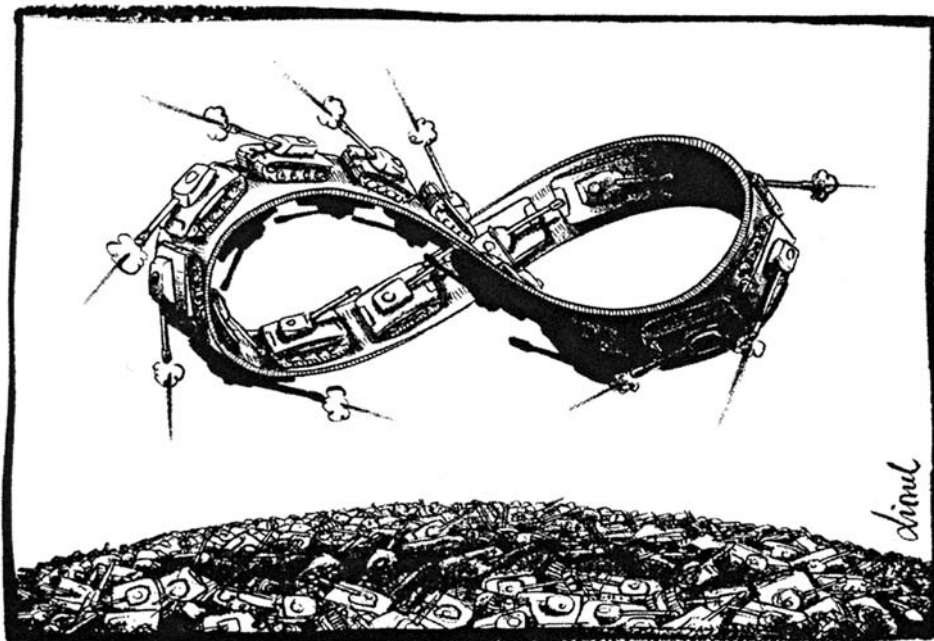
- Западные страны привыкли тратить деньги на то, чтобы вооружаться, теперь они тратят деньги, чтобы разоружить других.
- В вопросах нераспространения ведущие державы иногда ведут себя как отчаявшиеся родители нежеланных детей, которые из мести всему человечеству предлагают ужесточить контроль над рождаемостью.

- ❑ Процесс распространения ОМУ — это все равно что процесс, когда несколько людей начинают курить в комнате, где курение запрещено: если вы не остановите их сразу же, к ним тут же присоединятся другие.
- ❑ Щедрость некоторых стран безгранична: хотя они и осуждают оружие массового уничтожения, зато помогают другим его создавать.
- ❑ Для ВПК разоружение — это вопрос жизни и смерти.
- ❑ Всякая гонка на финише определяет победителя... а как быть с гонкой вооружений?
- ❑ Есть риск, что вместо нераспространения ОМУ нарастает распространение всяких многочисленных заявлений против нарастания распространения ОМУ.
- ❑ Чем более *всеобъемлющей* становится программа мер по разоружению, тем больше у нее шансов остаться еще одной программой.
- ❑ На Конференции по разоружению в Женеве некоторые делегации придерживаются принципа «Наш ответ отрицательный. А какой был вопрос?»
- ❑ Что произойдет с Конференцией по разоружению, если она не приспособится к новым условиям? То же, что происходит с женщиной, теряющей красоту: с ней больше ничего не произойдет.
- ❑ Определение сверхдержавы: она не потерпит вмешательства в свои внутренние дела ни в одном уголке мира.

Ну и, конечно, наш добрый француз не может не пройти по своим коллегам-дипломатам на Конференции по разоружению и на многосторонних переговорах (позволю себе здесь вольный перевод, чтобы не потешать читателя постоянными ссылками на непереводаемую игру слов):

- ❑ Высшая степень пресмыкания дипломата: написать заявление за своего посла и делать заметки, когда тот зачитывает это заявление с трибуны.
- ❑ Когда дипломат говорит «Я знаю, что эти взгляды разделяют многие...», на самом деле это значит: «Никто с этим не согласен, но я уж как-нибудь протолкну эту ерунду».
- ❑ Когда дипломат говорит «Давайте действовать в духе компромисса», на самом деле он имеет в виду: «Я сейчас повторю все то же, что только что сказал, но другими словами».
- ❑ Когда дипломат говорит «Я жду инструкций из столицы», он имеет в виду «У меня есть инструкции, но я не дам вам знать, какие они, пока не пойму, куда тут дует ветер».
- ❑ Когда дипломат говорит «Я буду предельно краток», это попросту значит «Я собираюсь говорить эдак минут двадцать», когда он говорит «Я предприму усилия, чтобы быть очень кратким», то это значит, что он собирается говорить куда дольше двадцати минут.
- ❑ Когда дипломат говорит «Я не понял», это означает, что все он понял, но не согласен; когда он начинает словами «Хотя я разделяю некоторые положения, только что высказанные коллегой», это значит, он считает, что коллега несет полную чушь; а если он начинает со слов «Хотя до некоторой степени этот взгляд имеет основание», это значит, он убежден: коллега — полный идиот и несет чушь не просто полную, но и беспросветную.

Теперь пришло время несколько слов сказать об иллюстраторе этой книжки. С иллюстратором Лионелем Портье я не знаком и даже не догадываюсь, настоящее ли это имя или тоже псевдоним. Судя по его краткой биографии, он часто находился там же, где и автор: рисовал для парижской *Монд*, для сиднейской *The Sidney Morning Herald*, а сейчас вернулся в Европу, куда-то между Францией и Швейцарией. Но, вероятно, это лишь простое совпадение путей и биографий. Иллюстрации отменные. Черно-белая графика лирична, даже нежна, она оттеняет задорный, грубоватый юмор и цинизм прозаседавшего, слегка (ну впрочем не так уж и сильно) утомленного ооновской бюрократией дипломата... как любит говорить один выдающийся российский дипломат: «А теперь полчаса здоровой сплетни».

Переговоры и заседания ведь скучны, если их ведут безыюморные и не способные посмеяться над самими собой люди; если попадете на такое заседание — захватите с собой книжку Марека Арно. Как профилактику. 🐶